

Восстание в Братском районе Восточно-Сибирского края весной 1933 г.

Крупное антиправительственное восстание в Братском районе Восточно-Сибирского края в мае 1933 г. было последним крупным вооружённым выступлением русского населения Сибири и, возможно, всей страны. Сибирь в 1930—1931 гг. дала мощную вспышку крестьянского повстанчества. И если в Западной Сибири после августа 1931 г. серьёзные восстания прекратились (при сохранении повстанческой активности хакасов и хантов в 1933 г. — начале 1934 г.), то в Восточной Сибири насчитывалось несколько очагов повстанчества, и весной 1933 г. чекисты полпредства (ПП) ОГПУ ВСК отмечали, что, например, с. Бичура Малетинского района является «одним из очагов почти ежегодных выступлений» [1, л. 27]. В мае 1933 г. произошло большое вооружённое выступление в Братском районе под руководством политссыльного Пожидаева, вынудившее власти предпринимать значительные усилия для его подавления. В литературе Братское восстание упоминается [2, с. 28–30], но до сих пор подробно не анализировалось [8, л. 43–44] в связи с труднодоступностью архивных материалов.

К моменту переписи 1926 г. Братский район был отсталой таежной окраиной Иркутского округа с территорией около 30 тыс. км² и населением до 20 тыс. чел. Промышленности, за исключением кустарных мастерских, в районе не было, 25% населения оставалось неграмотным, имелось всего пять изб-читален, 33 красных уголка, одна библиотека, две кинопередвижки, одна радиоточка, выписывалось 1170 экземпляров газет и 690 журналов. К началу коллективизации в Братском районе насчитывалось 4435 крестьянских дворов с 17 тыс. га посевов, 250 плугов, 430 сеялок, жаток и молотилок. В конце 1930 г. 27 колхозов объединили четверть всех дворов; более 3 тыс. хозяйств оставались единоличными [4, с. 11–39].

Оценивая генеалогию рассматриваемого восстания, следует отметить, что Братский район был отмечен значительным мятежным потенциалом. Ещё в 1927 г. в донесении агента ОГПУ из с. Громы Братского района Иркутского округа приводились следующие высказывания крестьян: «Если будет война, прежде всего перебьем коммунистов и комсомольцев на местах, а потом и дальше»; «скорей бы Англия начала, а мы поможем» и т. п. [5, с. 66–67]. Политика коллективизации подвигла местное население к более решительным действиям, вылившимся в вооруженные выступления.

Так, весной 1930 г. крупный крестьянский отряд во главе с К. И. Серышевым выступил из д. Антоново и в Дубыinine, Усть. Вихореве и Седанове расстрелял несколько советских активистов; в июне восстание было разгромлено, а сам Серышев убит. Однако жестокое подавление этого мятежа не смогло полностью подорвать повстанческую

активность, тем более, что карательная политика начала 30. х гг. серьезно усилила антиправительственный протест в Братском районе из-за многочисленных ссыльных и общего снижения жизненного уровня. В 1932 г. в районе вновь вспыхнуло восстание, на этот раз в с. Громы, которое властям удалось быстро подавить [3, с. 51–52].

Но и эта расправа не смогла вырвать всех корней народного сопротивления. Если восстание Серышева 1930 г. было спровоцировано коллективизацией и «раскулачиванием», то основной причиной восстания 1933 г. стал голод, деликатно именуемый в официальных документах «продовольственными затруднениями».

Голод в Сибири, начавшись весной 1930 г., продолжался до 1934 г., периодически обостряясь в отдельных регионах до степени голодомора и унеся сотни тысяч жизней [6, с. 195]. В июне 1933 г. заместитель полпреда ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю (ВСК) К. А. Павлов сообщил начальнику Секретно-политического отдела союзного ОГПУ Г. А. Молчанову, что из-за «продзатруднений» часть колхозников отказывается работать, будучи «заняты поисками хлеба». Так, в колхозе «Красный путиловец» Сухобузимского района невыходы голодавших колхозников на полевые работы составляли 70% [7, л. 87]. Особенно тяжёлое положение с продовольствием складывалось в удалённых северных районах, которые и ранее не обеспечивали себя хлебом, а в новых условиях приняли множество ссыльных, как политических, так и уголовных, что резко обострило ситуацию.

Возможно также, что среди причин восстания оказался и страх ожидания дальнейших репрессий, поскольку ситуация в Восточно-Сибирском крае отличалась очень высоким уровнем политического террора. Чекисты края с декабря 1932 г., в соответствии с указаниями Сталина, резко усилили репрессии, наращивая их до середины 1933 г. и сохраняя на высоком уровне в последующие месяцы. Для массового репрессирования населения края работала внесудебная тройка ПП ОГПУ по ВСК во главе с полпредом И. П. Зирнисом.

Официальная отчетность констатировала, что с 1 декабря 1932 г. по 15 марта 1933 г. в крае было арестовано 8 229 чел.; чекисты отчитались перед Лубянкой о ликвидации за этот период 14 повстанческих организаций, а также 314 организаций и группировок вредительского характера, в том числе около 200 «кулацких групп», занимавшихся «разложением колхозов» [7, л. 2]. Однако, с точки зрения полпреда Зирниса, основной угрозой в тот период стала подготовка восстаний, якобы проводившаяся бывшими партизанами Забайкалья и Канского округа. Чекисты жаловались на то, что после чекистских ударов 1931—1932 гг. заговорщики ушли в глубокое подполье, а из 92 районов края 13 не имели чекистских аппаратов и, соответственно, агентурного осведомления [1, л. 1, 2–4].

Параллельно с массовыми арестами нарастала кампания осуждений «врагов народа» с помощью внесудебных инстанций. Тройкой при ПП

ОГПУ ВСК с декабря 1932 г. по середину марта 1933 г. было осуждено: к расстрелу — 1712 чел. (в том числе 55 — по закону от 7 августа 1932 г.), к заключению в концлагеря — 758, к ссылке — 158. Репрессии интенсивно продолжались и в последующие месяцы: к середине марта 1933 г. подследственных заключенных в крае насчитывалось 2825 чел., к 10 апреля — 3011, к 20 апреля — 3555, к 30 мая — 5,3 тыс. чел. [7, л. 2, 15, 17, 70].

Таким образом, на фоне голода и массового террора в Братском районе неожиданно для властей 2 мая 1933 г. вспыхнуло очередное восстание, имевшее определённую специфику. Центральные власти получали из Иркутска разноречивую информацию об этом выступлении, ибо и оперативные учёты, и агентурная работа в Восточно-Сибирском полпредстве ОГПУ находились в запущенном состоянии. Первоначально чекисты сообщали, что в Братском районе насчитывалось 224 административных ссыльных, 430 — судебных ссыльных (уголовников) и 300 тылоополченцев. Чуть позднее К. А. Павлов направил В. Р. Менжинскому сведения с гораздо более высокими цифрами: 598 адмссыльных, 600 судебных ссыльных и 300 тылоополченцев [7, л. 51]. Из этих примерно полутора тысяч парий режима, составлявших до четверти взрослого мужского населения района, около половины примкнула к восстанию. Численность мятежников в чекистских отчетах постоянно росла — от 400 до 600 чел., что объяснялось не только желанием драматизировать ситуацию в начальный период восстания, но и объективной неполнотой информации, исходившей из удаленной таёжной местности.

10 мая 1933 г. К. А. Павлов сообщал Г. Г. Ягоде, что основная часть мятежников — ссыльные и тылоополченцы, согнанные на строительство Ангаро-Ленского тракта, а также работники Шумиловской судовой верфи. В захваченном обращении повстанцев, адресованном коммунистам и красноармейцам, говорилось о желании накормить голодных и добиваться справедливости [7, л. 44–47]. Главной причиной восстания власти считали «напряжённое» положение с продовольствием, ставшее следствием плохой уборки урожая, разбазаривания и расхищения хлеба. Восставшие, действовавшие под лозунгами свержения советской власти и уничтожения коммунистов, громили кооперативы, а также отделения госторга. О том, насколько были велики «продовольственные затруднения», говорит тот факт, что захваченный у колхозов хлеб был отдан единоличникам и тут же размолот на муку [7, л. 37–39, 52].

Численность мятежников за первые три дня выросла с 15 до 400 чел., в том числе за счёт мобилизации, причём вооруженных насчитывалось не более половины. Организовывавший операцию по ликвидации восстания К. А. Павлов каждый день сообщал руководству союзного ОГПУ сводки о положении в районе. По сведениям на 6 мая, восстание началось под руководством политссыльных Полегаева и Полозова в д. Верхнее-Суворово, сразу перекинувшись в д. Арефьево, Верхний Баян, Средний Баян, Нижний Баян, Парилово,

Верхнее-Шумилово и Громы, располагавшиеся на правом берегу Ангары. Повстанцы, контролировавшие берег вниз по Ангаре от Верхнего Баяна до Нижнее-Суворовского, состояли из местных административных ссыльных, тылоополченцев, единоличников, ряда служащих и колхозников. Во главе всего мятежа находился 65-летний ссыльный Халтурин, бывший начальник кадетского корпуса и полковник Белой армии. Позднее выяснилось, что его фамилия Пожидаев, причём он фигурировал и как Балакирев. Среди наиболее активных мятежников были Бочкарев, Буланцев, Зверев, Елумнов (Игуменов?), Полегаев, Полозов [7, л. 34, 37–39]. По версии И. В. Наумова, работавшего с документами УФСБ по Иркутской области, восстание возглавили бывший полковник [И. К.?] Буланцев и ссыльный забайкальский казак Игуменов [8, с. 44].

Восстание началось неожиданно для властей, хотя некоторые сведения о его подготовке учекистов имелись. Позднее за утрату политической бдительности, вследствие чего власти узнали о восстании только 5 мая, начальник Братского РО ОГПУ Д. М. Жуков (в прошлом занимавший крупные должности начальника ИНФО-УЧОСО Барнаульского и Канского окротделов ОГПУ) [9, л. 1] лишился должности [8, с. 45].

Мятеж с самого начала отличался большим ожесточением, в связи с чем и карательный, и партийно-советский аппараты сразу понесли значительные потери. В Нижнем Баяне погибли помощник уполномоченного Братского РО ОГПУ Н. А. Вдовин и участковый инспектор раймилиции. В Верхнее-Суворовском был убит бывший партизан, объездчик леспромхоза Ведерников, а в некоторых селах уничтожили учителей (здесь следует сказать, что учителя становились жертвами повстанцев повсеместно и расправы с ними объяснялись тем, что немногочисленное сибирское учительство выступало в качестве пропагандистского и административного актива при проведении всех хозяйственно-политических кампаний). Наибольшие потери власти понесли в с. Громы, где местное население уничтожило 17 активистов [7, л. 41]. Ожесточение было настолько велико, что разрывало даже родственные узы. Так, 16-летний комсомолец-избач Павел Филиппов во время расстрела активистов был ранен, поскольку его успел заслонить отец; но когда подросток очнулся, он был тут же добит охранником из односельчан, приходившимся ему двоюродным дядей [3, с. 52].

Местные власти, не имея серьезных военных сил, привычно собрали коммунистические отряды из сельских активистов и двинули на мятежные села. Однако отряд Софронова 5 мая встретился с сильным сопротивлением и, потеряв пятерых, отступил на левый берег Ангары; у повстанцев было убито 15 чел. На следующий день отряд Дорофеева из 53 бойцов подошёл к Нижнее-Суворовскому и вступил в бой, в итоге два человека были ранены. Со стороны повстанцев были убиты, утонули и ранены до 70 чел. Тем не менее, отряд Дорофеева

не смог разбить главных сил мятежников; напротив, он был окружен и, прорываясь к пос. Мока, израсходовал все патроны [7, л. 34, 42]. Обычно повстанческие отряды не выдерживали крупных потерь и рассыпались; в случае же с Братским восстанием видна значительная стойкость его участников. Впрочем, не исключено, что первые донесения карателей могли преувеличивать потери «бандитов».

Боевые действия не ослабевали еще несколько дней. Натиск коммунистических отрядов постепенно усиливался. К полудню 7 мая отряд помощника уполномоченного Братского РО ОГПУ Карманова прорвался в тыл мятежников, захватив Шумиловскую судоверфь и д. Нижнее-Суворово. Что касается отрядов Софронова и Дорофеева, то они к тому времени собрались в пос. Мока и отдыхали, ожидая подвозки боеприпасов. Тем временем к ним на помощь спешили сформированные 5–6 мая в Иркутске отряды заместителя начальника особого отдела ПП ОГПУ С. М. Буды, опытного чекиста, в 1927 г. бывшего одним из руководителей разгрома повстанческого движения в Якутии, и сотрудников полпредства Попова и Стрекочинского. Переход был очень трудным. Отряд Буды (50 чел., в том числе много оперативных работников) находился 7 мая в 100 км южнее Братска, а группа Попова из 42 бойцов — в 125 км юго-восточнее от дислокации восставших, в районном с. Усть-Уда. Из-за ледохода Попов не смог дальше сплавляться по Ангаре и пересел на лошадей; в результате к месту событий вовремя добралось только 25 чел. К 8 мая отряд Буды и 15 чел. из отряда Стрекочинского прибыли в Братск и оттуда отправились вверх по течению в район восстания. Всего на помощь властям района шло 90 чекистов с шестью пулеметами. Они предприняли трехсуточный переход в пешем и конном строю, появившись в районе мятежа к 10 мая [7, л. 35, 46].

Значительная активность была проявлена местными «органами»: в Братском, Усть-Удинском, Нижнее-Илимском и Усть-Кутском районах силами райотделений ОГПУ спешно мобилизовался «партийно-партизанский колхозный актив». Партийные отряды Братского района к этому времени заняли с. Верхнее-Шумиловское. Распутица сильно мешала продвижению карателей [7, л. 36, 39, 40], но к 9 мая из соседних районов к центру мятежа подошло несколько партотрядов общей численностью 425 чел. К этому времени потери восставших доходили до 90 убитых и 16 пленных; в партотрядах было шестеро убитых и раненых. Прибытие чекистов и партотрядчиков сразу изменило баланс сил. В ночь на 10 мая отряд Попова в д. Средний Баян неожиданным ударом нанёс поражение главным силам восставших. В результате они, понеся тяжелые потери (30 убитых и 66 пленных), оставили захваченные деревни и рассеялись по тайге. Попову, отряд которого избежал потерь, достались 25 лошадей, 50 единиц огнестрельного оружия, а также канцелярия штаба с пишущей машинкой и воззванием к населению и Красной армии [7, л. 48–50, 55]. Среди трофеев оказалась и полевая сумка Полегаева, владельцу которой удалось скрыться.

При преследовании было захвачено 129 «бандитов» и 65 оружейных стволов, а ещё 9 чел. явились добровольно и сдались. Чекисты сообщали в Москву, что командовавший мятежниками подполковник (ранее фигурировавший как полковник) Пожидаев и один из командиров сотен были убиты, а начальник штаба Буланцев и два сотника взяты живыми. В захваченном обозе оказались добытые повстанцами в разграбленных сельпо и охотничьих товариществах 72 кг пороха, 15 пудов дроби, 30 кг свинца, 10 тыс. пистонов, медикаменты. К 13 мая в мятежном отряде оставалось ещё около 50 чел. во главе с Пожидаевым (слух о его гибели оказался ложным) и его помощниками из числа ссыльных: Бочкаревым, Зверевым, Елумновым и Полегаевым. Для их поимки в тайгу направились группы для проведения облав, а также была задействована агентура органов ОГПУ и милиции. 13 и 14 мая в облавах было убито четверо повстанцев, а 52 оказались в плену, включая одного командира сотни (22 из них попали в плен с оружием в руках). Тогда же добровольно явились к властям семеро повстанцев, ранее посланных своими вожаками с воззванием к населению деревень по р. Илим [7, л. 49–50, 55].

К 15 мая силами десяти отрядов все населенные пункты были очищены от восставших. Так закончилась острая фаза восстания, продолжавшаяся две недели. Данные о численности восставших, потерях как мятежников, так и представителей властей собирались в течение нескольких недель. Павлов 1 июня 1933 г. сообщал Ягоде, что в ходе подавления бандвыступления из 496 участников было убито 54, арестовано 173, добровольно явилось — 78 [7, л. 52–70]. Полпред И. П. Зирнис 23 июня докладывал начальнику Особого отдела ОГПУ Гаю, что в Братском восстании участвовало 604 чел., из которых 74 было убито (12%), 372 — взято в плен (61%), явились добровольно — 143 (24%), остальные скрылись. Из числа пленных 165 чел. были арестованы. Повстанцы расстреляли 33 чел., в основном советских активистов; среди погибших были один чекист и один милиционер [7, л. 101]. Таким образом, через полтора месяца после подавления восстания не было разыскано 15 его участников. Есть сведения, что чекистам летом 1933 г. удалось выследить остатки мятежников и уничтожить Пожидаева вместе с его окружением.

Для чекистов Братское восстание стало поводом для усиления репрессий. Лубянка была обеспокоена масштабом мятежа и числом уничтоженных сторонников властей. 14 июня 1933 г. зампред ОГПУ Я. С. Агранов интересовался у начальника особого отдела Гая (подавление крестьянских восстаний входило в функции именно особых отделов), какие тот дал указания по ликвидации бандитизма полпреду ОГПУ по ВСК [7, л. 81]. Сразу после восстания полпредство ОГПУ приказало изъять «контрреволюционный повстанческий элемент» во всех «неблагополучных» населённых пунктах; аресты шли одновременно с подавлением выступления. Согласно чекистской версии, в первой половине 1933 г. небольшие бандотряды систематически проводили

диверсионно-разведывательную работу с целью поднять восстание в Забайкалье. К 23 июня чекисты после боевых стычек насчитывали среди повстанцев края 8 убитых и 62 пленных, причем добровольно сдавшихся не было [7, л. 38, 47, 101, 102].

Получая сигналы о нелояльности прикордонного населения, иркутские чекисты в июле 1933 г. выслали для чистки восьми пограничных районов специальную опергруппу под руководством С. М. Буды. Базируясь в Газимуро-Заводском районе, опергруппа, насчитывавшая 82 оперработника-чекиста и 150 милиционеров, объединённых в четыре взвода, обрушила репрессии на «бывших», остатки «бандгрупп» и тех голодавших, кто «безнаказанно» переходил за кордон, чтобы выменять на вещи хлеб [7, л. 125].

Братское восстание отличалось наличием в его составе крестьян, политссыльных, тылоополченцев и, возможно, части уголовных ссыльных. Руководство мятежом со стороны бывшего старшего офицера Белой армии также является для того времени уникальным фактом. Для 1933 г. это выступление было очень крупным по численности (604 участника), потребовав небывалых для Сибири масштабов привлечения чекистов и партийных отрядов, которые затем усилили карательную активность в неблагонадежных районах. Что касается мятежников, то они проявили заметную организованность и стойкость, а также крайнюю жестокость по отношению к партийно-советским активистам. Но для подробного исследования этого восстания и судеб его участников ещё предстоит ввести в научный оборот целый ряд недоступных пока источников, прежде всего следственное дело на повстанцев.

Библиографический список

1. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). — Ф. 2. — Оп. 11. — Д. 708. 2. Ефремов И. В. Крестьянские восстания в Иркутской области и Красноярском крае как ответ на коллективизацию сельского хозяйства // Международная конференция молодых ученых — стипендиатов Фонда имени Генриха Бёлля: рабочие материалы. Санкт-Петербург, апрель 2006 г. — СПб., 2006.

3. Ефремов И. В. Соппротивление крестьян Братского района Иркутской области в период коллективизации // XX век в истории России: актуальные проблемы: материалы Всероссийской научно. практической конференции. — Пенза, 2005.

4. Ангарида: Братскому району — 70 лет/ред.сост.: Л. Д. Войлошников, Г. Е. Ступак, Т. Б. Туйкова: сб. ст. — М., 1996. 5. Исаев В. И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири: 1920. е — начало 1930. х гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — Т. 1. — Вып. 3: История. — Новосибирск, 2002. 6. Исупов В. А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930. х годов // Вестник НГУ. — Серия: История, филология. — Т.

9. — Вып. 1: История. — Новосибирск, 2010. 7. ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 11. — Д. 712. 8. Наумов И. В. Органы государственной безопасности ЁВосточно-Сибирского края (1930–1936 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Naumov.htm>. 9. Государственный архив Алтайского края. — Ф. П. 5. — Оп. 1. — Д. 108.

Впервые опубликовано в **Известиях Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2012. № 4 (76). Т. 2. С. 202–206.**

<http://rusk.ru/st.php?idar=63421>